

Роджер Желязны

**Вернись к месту убийства,
Алиса, любовь моя**

Роджер Желязны
Вернись к месту убийства,
Алиса, любовь моя

*OCR Vladimir <http://rraymond.narod.ru>
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=161195*

Роджер Желязны

Вернись к месту убийства, Алиса, любовь моя

1

Не счесть в Галактике смертельных ловушек, и надо же ей было попасться именно в мою. Сначала я даже не узнал ее. А когда узнал, все не мог поверить, что это она. С ней был ее компаньон, с завязанными глазами, в сандалиях и кимоно. Но ведь она мертва, и октада разрушена. Другой быть не может. Определенные сомнения возникали у меня даже по поводу этой октады. Но выбора не было. Да и есть ли он хоть у кого? Есть только то, что нужно сделать. Скоро она уйдет. Я вкушу ее духа. Сыграем еще раз, Алиса...

2

Она пришла на виллу в Константинополе, где он, в свободном одеянии, с совком в руке и садовым ножом в другой, стоял на коленях среди роз, ухаживая за своим садом. Слуга доложил о ее прибытии.

– Господин, там дама у ворот, – сказал старик по-арабски.

– Кто бы это мог быть? – пробормотал садовник на том же языке.

– Она назвалась Алисс, – ответил слуга и добавил: – Она говорит по-гречески, но с иностранным акцентом.

– Ты узнал акцент?

– Нет. Но вас она спросила по имени.

– Надеюсь, что так. К незнакомцам редко заходят с добрыми намерениями.

– Она назвала вас не Стассинопулосом. Она спросила Калифрики.

– Черт, это по делу, – сказал он, поднимаясь, отряхивая колени и передавая совок слуге. – Давно же ко мне не обращались.

– И правда, сэр.

– Проведи ее в маленький дворик, усади в тени, принеси чай, шербет, дыни – все, что она может пожелать. Скажи, что я буду с минуты на минуту.

– Да, сэр.

Войдя в дом, садовник скинул рубашку и быстро умылся. Зажмурив глаза, плеснул воды на высокие скулы. Окатил водой грудь, плечи. Вытеревшись, он обвязал темные волосы золотистой лентой, нащупал в шкафу белую вышитую рубашку с длинными рукавами.

Выйдя во двор, подошел к столику у фонтана, где мозаичные дельфины колыхались под струями воды, стекавшими маленькими речушками с горы Олимп в рост человека,

и поклонился сидевшей даме, которая с бесстрастным лицом следила за его приближением. Она медленно поднялась. Невысокая, заметил он, на целую голову ниже его, темные волосы прошиты нитками седины, глаза синие-синие. Бледный шрам, пересекая левую щеку, терялся в волосах над ухом.

– Алисс, я полагаю? – спросил он, осторожно поднося ее руку к губам.

– Да, – ответила она, опуская руку. – Алиса. – Женщина произнесла имя немного иначе, чем это сделал слуга.

– И это все?

– Достаточно для моей цели, сэръ.

Он тоже не смог распознать ее акцент, и это встревожило его.

Он улыбнулся и сел напротив. Ее взгляд, он заметил, был прикован к маленькому шраму в виде звездочки у его правого глаза.

– Сверяетесь с описанием? – спросил он, напивая себе чашку чая.

– Не будете ли вы столь любезны, чтобы дать мне поглядеть на ваше левое запястье? – спросила она.

Он откинул рукав. Ее взгляд с жадностью упал на красную нить, обвивавшую запястье.

– Вы – тот, кого я ищу, – сказала она торжественно.

– Возможно, – уклончиво отозвался он, отхлебывая чай.

– Вы моложе, чем кажетесь на первый взгляд.

Она кивнула.

– И в то же время старше, – сказала она.

– Попробуйте шербет, – предложил он, накладывая лакомство из вазы в розетки. – Он весьма неплох.

3

Фиксирую точку. Дотрагиваюсь до сифона и кости. Там, за полированным медным зеркалом, потягивая холодное питье, она щебечет по-гречески, что день жаркий и что так приятно найти тенистый уголок в этом караван-сараяе, на пороге моего обиталища, где так приятно отдохнуть, – вся эта болтовня не способна обмануть меня своей хорошо просчитанной небрежностью. Окончив трапезу и встав из-за стола, они не направятся обратно на улицу с ее верблюдами, пылью, лошадьми, криками торговцев. Я знаю это. Они повернутся, словно непреднамеренно, в направлении зеркала. Она и этот ее монах. Милые дамы, будьте свидетелями...

4

– Я могу позволить себе купить ваши услуги, – сказала она, протягивая руку к мягкому кожаному мешку, лежавшему на кафельном полу возле ее стула.

– Вы торопите события, – отозвался он. – Сначала я дол-

жен понять, чего именно вы от меня хотите.

Она пронзила его своими синими глазами, и он почувствовал знакомый холодок близости смерти.

– Вы убийца, – просто сказала она. – И убьете любого, если цена вас устроит. Так мне сказали.

Допив чай, он вновь наполнил чашки.

– Я сам выбираю, принять или не принять заказ, – ответил он. – Я не берусь за все, что мне предлагают.

– Какие соображения руководят вашим выбором? – спросила она.

– Я редко убиваю невинных, – ответил он, – исходя из моего собственного определения невинности. Кроме того, меня может оттолкнуть определенная политическая ситуация...

– Убийца с совестью, – заметила она.

– Можно сказать и так...

– Что-нибудь еще?

– Мадам, вообще-то я некоторым образом удалился на покой, – ответил он, – вот почему мои услуги так дороги. Услуги головореза здесь с готовностью окажут многие. Я сам могу порекомендовать вам несколько компетентных индивидуумов.

– Иными словами, вы предпочитаете сложные случаи, бросающие вызов вашему мастерству?

– «Предпочитаю» немного не то слово. Я не вполне уверен, как это можно выразить лучше – во всяком случае, по-гречески. Хотя у меня есть тенденция оказываться в по-

добных ситуациях, ибо высокооплачиваемая работа, похоже, подпадает под эту категорию, а я принимаю только такие заказы.

Впервые за это утро на лице ее появилось бледное подобие улыбки.

– Мой заказ подпадает под эту категорию, – сказала она, – в том смысле, что еще никому не удалось преуспеть в той миссии, которая мне требуется. Что касается невинности, вы увидите, что ею здесь и не пахнет. Политика здесь тоже ни при чем, он не из этого мира.

Он проглотил кусочек дыни.

– Вы заинтересовали меня, – сказал он.

5

Наконец они поднимаются. Монах поправляет маленький лук, закрепленный на спине, и кладет руку ей на плечи. Они пересекают патио. Они уходят! Нет! Неужели я ошибся? Я вдруг понимаю: я хотел, чтобы это была она. Та часть меня, которая, как я думал, полностью переродилась, поглощенная другими, внезапно восстает и стремится принять командование на себя. Мне страстно хочется крикнуть. Я не знаю, какой крик готов вырваться у меня: «Приди!» или «Беги!». Да это и неважно. Во всяком случае, не сейчас, когда это не стало частью ее. Не сейчас... Они уходят.

Но.

На пороге она, помедлив, что-то говорит своему спутнику. Я слышу только слово «волосы».

Когда она возвращается, я вижу в ее руке расческу. Она быстро подходит к зеркалу, которое, поблескивая, висит на стене справа от нее. Когда она сбрасывает вуаль и начинает поправлять свои темные локоны, я понимаю, что их цвет ненатурален.

6

– Не из этого мира, – повторил он. – Откуда же тогда, позвольте спросить?

– С планеты на другом конце Галактики, – ответила она.
– Значат хоть что-то для вас эти слова?

– Да, – признался он. – Кое-что значат. Но почему вы пришли именно ко мне?

– Он здесь, – сказала она.

– Того, кого я должен убить?

– Да. Сначала мы не стремились к убийству, наоборот, мы хотели спасти его.

– «Мы»?

– Чтобы управлять аппаратами, доставившими нас сюда, потребовалось восемь моих личностей – оригинал и семь копий. Клонов.

– Понимаю.

– В самом деле? Так вы здесь тоже чужак?

– Давайте сейчас сосредоточимся на вашей истории. Вы сказали, что вас здесь восемь?

Она покачала головой.

– Я последняя, – объявила она. – Остальные семь погибли, пытаюсь выполнить ту же задачу.

– Кто вы – оригинал или клон?

Она засмеялась. Потом вдруг ее глаза увлажнились, и она отвернулась.

– Я копия, – сказала она, помолчав.

– И вы все еще живы, – заметил он.

– Это не означает, что я не делала попыток. Я отправилась туда после того, как все остальные потерпели неудачу. Я тоже не справилась. Я была тяжело ранена. Но мне удалось вырваться – в последнюю секунду.

– Как давно это произошло?

– Почти пять лет назад.

– Долгий срок жизни для копии.

– Вы в курсе?

– Я знаю, что многие культуры, использующие клонов для определенных заданий, практикуют вживление специальных устройств, прекращающих существование клона после того, как задание выполнено, – своего рода защита оригинала от... неловких ситуаций.

– Или от замещения, да. В моем случае – небольшой резервуар с ядом в основании черепа. Я думаю, что травма головы предотвратила запланированный исход.

Она наклонила голову и подняла волосы. На шее тоже были шрамы.

– Он думает, что я мертва, – продолжала она. – В этом я уверена. В этом его должно было убедить наше столкновение и время, прошедшее после него. Но я помню путь туда и изучила некоторые особенности этого места.

– Думаю, вам лучше рассказать мне и о личности, и о месте, – сказал Калифрики.

7

Алисы поют свои бессловесные жалобные песни. Сейчас и всегда. Я построил еще один колодец, обложил его кольцами, натянул между ними цепи. Для них для всех. Приди, Алиса, вернись, последняя моя. Это ты. Так должно быть. Сделай движение, которое подведет черту, которое принесет тебя ко мне. Иначе я должен буду протянуть сифон, как делал много раз. Даже если это не ты, я должен попытаться. Ты вновь возродилась в себе, став старше.

– Хорошо, – говорит она, убирая расческу и направляясь к двери.

– Нет!

Внезапно она оборачивается, сжав губы в жесткую линию, поднимает руку и дотрагивается до отражающей поверхности зеркала. В течение доли секунды, пока она нащупывает пульсацию, ее рука проходит через активизирующие последо-

вательности.

Когда ее пальцы проникли в интерфейс, лучник внезапно оказывается позади нее и обнимает ее за плечи. Пусть. Он, похоже, может рассказать много интересного.

8

– Айдон, – сказала она. – Это Айдон.

– Тот, кого вы ищете? – спросил Калифрики. – Тот, кого я должен убить?

– Да, – ответила она. И затем: – Нет. Мы должны найти определенное место, – закончила она.

– Я не понимаю, – сказал он. – Какое место?

– Айдон.

– Айдон – это имя человека или название места?

– И то и другое, – сказала она. – И ни то ни другое.

– Я учился у мастеров дзэн-буддизма и суфийских мудрецов, – сказал он, – но я не могу отыскать смысл в том, что вы говорите. Что такое Айдон?

– Айдон – это мыслящее существо. И в то же время – место. Айдон не человек в полном смысле этого слова. И Айдон – не такое место, какими бывают места в этом мире.

– Я понял, – сказал он. – Айдон – это искусственный разум.

– Да, – сказала она. – И нет.

– Я больше не буду пока задавать вопросов, – заявил он.

– Просто расскажите мне об Айдоне.

Она коротко кивнула.

– Когда мы прибыли в эту систему в поисках Нельсора, – начала она, – приборы корабля показали, что нечто на этой планете установило контроль над космической Нитью, управляющей вращением Вселенной со дня ее творения. Сначала мы не обратили на это внимания, ибо искали крошечную черную дыру – объект, сверхсжатый до почти не существующей точки, также существующий с момента сотворения Вселенной. Дело в том, что этот объект должен был привести нас к кораблю Нельсора, от которого исходил аварийный сигнал. Мы используем такие черные дыры для получения энергии, чтобы прокладывать путь в космосе. Вы понимаете?

– Пока да, – сказал он. – Чего я не понимаю, так это кто или что такое Нельсор, не говоря уже об Айдоне.

– Теперь они одно целое, – сказала она. – Нельсор был ее – первоначальной Алисы – возлюбленным, товарищем, мужем. Он пилотировал корабль, попавший в беду, и оказался здесь, на вашей планете. Я полагаю, что Айдон установил контроль над кораблем – и над самим Нельсором – и спровоцировал приземление именно в этом месте. Посадка запустила механизм подачи аварийного сигнала.

Она взглянула на собеседника.

– Трудно объяснить, – сказала она, – что такое Айдон. Айдон начинался как один из тех маленьких черных сверх-

сжатых объектов, которые образуют дыры в пространстве. Мы используем их как специальные устройства. Пронизывать пространство во время длительных путешествий – одна из целей, для которых они используются. Их настройка для большинства из их функций – включая путешествия – осуществляется путем высокоскоростного закручивания поля находящихся рядом частиц. Эти поля загружаются определенной информацией для той работы, которую им предстоит выполнить. Поле обновляется по внешнему периметру, и информация дублируется и передается наружу волнами, в то время как внутренний периметр абсорбируется. То есть загрузка заряженных информацией частиц равна внутренним информационным потерям. Устройство извлекает излучение из сжатого объекта для подпитки энергией и запрограммировано на саморегуляцию.

– Я понимаю то, что вы говорите, – отозвался Калифрики, – возможно, даже понимаю, к чему это приводит. Такой объект становится интеллектуально... чувствительным?

– В общих чертах. Обычно ввод информации тщательно контролируется, – ответила она.

– Но не всегда?

Она еле заметно улыбнулась. Калифрики подлил чаю.

– Из всех категорий меньше всего поддается контролю ввод информации, необходимой для космических путешествий, – объяснила она, – и я полагаю, что сам акт осуществления передвижений в конкретном домене может иметь са-

мые неожиданные последствия. Эксперты не пришли к единому мнению в этом вопросе. Но есть одно обстоятельство, которое определенно влияет на такой объект, а именно то, что в определенных районах космического пространства пилот должен иметь с ним постоянный прямой контакт, что предъявляет особые требования к личности пилота: он должен обладать способностью контактировать мысленно, быть телепатически одаренным индивидуумом, прошедшим специальную подготовку для работы с подобным искусственным разумом. Такие отношения до некоторой степени «заражают» сконструированные объекты личностью оператора.

Она сделала паузу, чтобы отпить чаю. Потом продолжила: – Иногда в таких объектах происходят сбои, возможно из-за того, что они слишком долгое время проводят, глядя в самое сердце тьмы среди звезд. На человеческом языке мы назвали бы это безумием. Когда такое случается, корабли просто исчезают. В других случаях, когда это происходит в освоённой области космоса, можно поймать аварийный сигнал корабля. Как это случилось с Айдоном.

– Итак, Айдон съел Нельсора, – сказал Калифрики, поднимая чашку, – и посадил корабль на Землю.

Она кивнула.

– Он стал безумным и извращает все, что вбирает в себя. Он извратил чувства Нельсора к Алисе. Он уничтожил первых четырех Алис одну за другой, с тем чтобы познать их в их боли. Именно так он познал любовь, как род боли, сна-

чала через извращенное восприятие тьмы, травмировавшей его, затем через боль от потери Нельсора. Все это не так уж странно, ибо есть люди, для которых любовь – всегда боль.

Калифрики кивнул.

– Но как вы узнали, что с Айдоном случилось именно это?
– спросил он.

– Алиса тоже была пилотом, – сказала она, – пилотом-экстрасенсом. Она имела сильную экстрасенсорную связь с Нельсором. Все клоны разделили с ней эту способность. Когда она создала последних трех из нас и прилетела искать его – ибо он казался еще живым, только каким-то образом измененным, – она с помощью этой своей способности сумела определить вход в ту болезненную вселенную, которую создал Айдон.

– У него есть свой мир?

– Да. Он сформировал его и быстро скрылся в нем сразу после того, как прибыл сюда. Там он и живет, словно паук. Алиса вошла туда и была им уничтожена. Мы все почувствовали, что это случилось. Затем одна за другой три из нас, оставшихся, исследовали проход – каждой удавалось проникнуть чуть дальше в роковое место, благодаря опыту предшественницы. Я была последней, поэтому знала больше всех о том, как функционирует этот мир. Это что-то вроде машины смерти, орудия пыток. Я покалечилась, но сумела бежать.

Она потерла шрам.

– На что же вы надеялись? – спросил он. – Почему вы продолжали идти туда, видя, на что он способен?

– Мы надеялись добраться до точки, где мы смогли бы установить связь с той его частью, которая все еще оставалась Нельсором. Затем, соединив наши разумы, мы рассчитывали усилить его, чтобы победить Айдон. Мы надеялись, что сможем спасти его.

– Я думал, он был уже мертв – по крайней мере физически.

– Да, но в том месте, обладая силой, он мог бы стать подобным богу и одолеть Айдон, если бы только его удалось освободить, хотя бы на короткое время. Тогда он получил бы возможность восстановить свое тело и выбраться оттуда.

– Но... – начал было Калифрики.

– Да. Айдон доказал, что он неизмеримо сильнее того, что осталось от Нельсора, и я поняла, что ничего нельзя сделать. Теперь у меня больше нет выбора, кроме как уничтожить Айдон.

– Почему бы не оставить его в покое, если он укрылся в собственной вселенной?

– Я до сих слышу их крики – то кричат Нельсор и измученные души моих сестер. Нужно дать избавление тому, что осталось от них. А теперь там есть и другие. Вход в этот потайной мир спрятан в общественном заведении на оживленном торговом пути. Когда там появляется человек, наделенный достаточными экстрасенсорными способностями,

это становится известно Айдону, и он забирает того к себе. У Айдона выработался вкус к истории жизни индивидуума, в частности к его боли. Смакуя подробности, он высасывает и то и другое. Но это еще не все. Вам известна природа подобных объектов. Вы должны понимать, что в один прекрасный день он разрушит эту планету. Он высасывает из нее соки. В конце концов он поглотит ее всю. Он будет вечно парить в путанице образов, заполняющей его горизонт, а планеты уже не будет.

– Вы предполагаете нанять меня, чтобы я уничтожил черную дыру?

– Я предполагаю нанять вас, чтобы вы уничтожили Айдон. Калифрики поднялся и несколько раз прошелся по двору из угла в угол.

– Это проблема, – промолвил он наконец.

– Да, – отозвалась она, допивая чай.

9

...Она входит в мой мир, проникая сквозь зеркало: сначала из зеркальной поверхности озера появляется кисть, затем тонкая белая рука, устремленная вверх, словно сжимая меч. Она сомневается. Застенчиво трепещет, словно ожидая, что я возьму ее и проведу через проход. Возможно, мне так и следует поступить. Это будет забавно. Давай, сифон. Бледнеет, тает, исчезла. Рука. Заметалась и пропала, словно пла-

мя. Исчезла с поверхности озера, из-за зеркала. Вместе со своим слепым монахом. В какое тридевятое царство? Ушла из таверны караван-сарая, из моего мира.

Но постойте...

10

– Вы просите меня погрузить мою Нить в, некоторым образом, аномальную зону, – сказал он.

– А почему ваша Нить так напоминает обрывок красного шнура? – спросила она.

– Мне необходимо его зрительное присутствие в этой местности, – объяснил он, – чтобы было с чем работать. Мне не нравится ваша идея.

– Насколько я разбираюсь в подобных вещах, ваша Нить пронизывает всю Вселенную. Именно это мы обнаружили, приблизившись к этой планете. Есть фундаментальные физические причины, по которым у Нити не может быть конца. Аномалия не способна разорвать ее. Антигравитация Нити полностью нейтрализует гравитацию. Таким образом, в конечном итоге гравитация черной дыры, которая попытается вобрать ее, не изменится. Размеры дыры не увеличатся, и ситуация останется статичной. Зато вы сумеете пробить Айдон Нитью. Сможете ли вы после этого отправить его в другую вселенную?

Калифрики покачал головой:

– Совершенно независимо от того, что я смогу с ним сотворить в этой ситуации, черная дыра окажется навечно привязанной к Нити, а это неприемлемо. Это может вызвать образование аномальных петель. Нет. Я не стану совмещать два столь фундаментальных объекта друг с другом. Если мне предназначено разрушить Айдон, я сделаю это по-своему, Алиса. Как я понял, Айдон – это не столько сама по себе черная дыра, сколько самоподдерживаемый запрограммированный аккреционный диск, информационное поле которого подверглось неустранимым повреждениям. Вот это и может стать объектом моего нападения.

– Не совсем понимаю, как вам удастся это осуществить.

– Я вижу только один способ, но это означает, что вы уже не сможете вернуться на вашу родную планету.

Она засмеялась.

– Я прибыла сюда, готовясь погибнуть ради достижения цели, – сказала она. – Но если черную дыру невозможно уничтожить и вы не сделаете попытки перебросить ее в другую вселенную, я должна знать, как именно будет осуществляться операция – поскольку связанный с этим сбой информации затронет как Айдон, так и Нельсора.

– В самом деле? Вы сказали, что уже списали Нельсора со счетов и то, что осталось от него, полностью погибло и слилось с Айдоном, а единственный оставшийся выход – это разрушить весь объект.

– Да, но ваше утверждение о том, что я не смогу вернуться

домой, означает, что вам нужен мой корабль или какая-то его часть. Это может потребоваться только для прохождения через аномалию.

– Вы правы.

– Стало быть, вы намереваетесь каким-то образом использовать одну черную дыру против другой. Это может сработать. Такое внезапное увеличение массы без компенсирующего ускорения поля может повлечь абсорбцию поля, которая произойдет быстрее, чем поле сможет восстановить себя. Вы можете заставить черную дыру съесть и Айдон, и Нельсора.

– Совершенно верно.

– Я не вижу, каким образом вы сможете достаточно близко к нему подобраться. Но это, как вы сказали, ваша проблема. Я же могла бы проникнуть в мир Айдона до той точки, где мне удалось бы установить ментальную связь с Нельсором и совершить последнюю попытку спасти его и таким образом завершить свою миссию. Я хочу, чтобы вы не делали то, что задумали, до тех пор, пока я не совершу этой попытки.

– Это значительно сузит границы нашей безопасности. Но почему вы так резко изменили свои намерения?

– Потому что когда я начала понимать ваш план, передо мной забрезжила надежда. Перенос другой аномалии в то место может взбудоражить Айдон до такой степени, что он потеряет контроль над силами, сковывающими Нельсора. Если еще остается шанс спасти его... я должна попытаться,

несмотря на то, что я всего лишь изображение дамы его сердца. Тем не менее моя телепатическая связь с ним может быть сильнее, чем у остальных шести.

– Почему? – спросил Калифрики.

Она покраснела и отвернулась. Подняла чашку и поставила ее на стол, не отпив ни глотка.

– Нельсор никогда не предавался сексуальным наслаждениям с клонами, – сказала она, – только с настоящей Алисой. Но однажды я была в ее штабе, разыскивая некие навигационные заметки, о которых мы говорили накануне, пока она была занята в другой части корабля. Он пришел к ней и принял меня за свою возлюбленную. Перед этим он много работал, и мне стало жаль его, поскольку я поняла, что ему необходима разрядка. И я приняла на себя ее роль, позволив ему использовать себя, как он использовал бы ее, дав ему то удовольствие, которое могла дать. Мы слились в экстазе, и он шептал ласковые слова, а позже вновь ушел работать. Подмена так и не обнаружилась, и я об этом ни с кем не говорила до сих пор. Однако я слышала, что подобные события могут усилить телепатическую связь.

– Стало быть, ваши чувства к нему несколько иные, чем у остальных, – сказал Калифрики.

– Да, – ответила она, – ибо я равна ей не только генетически, но во всех отношениях, поскольку узнала его так, как другим клонам не дано было узнать.

– Значит, вы готовы пойти на больший риск ради него?

– Готова.

– А если потерпите неудачу?

– Я все равно хочу, чтобы вы его уничтожили, хотя бы из соображений милосердия.

– А если вы преуспеете в своем предприятии и тот мир расколется у нас на глазах? Уцелеть в таких обстоятельствах может оказаться весьма сложно. Во всяком случае, у меня на этот счет большие сомнения.

Она потянулась за своим мешком.

– Здесь золото, которое я сумела принести, не вызывая подозрений. На борту моего корабля его во много раз больше. Я отдам вам все...

– Где ваш корабль?

– В Мраморном море. Я могла бы подогнать его сюда, но гораздо лучше направиться туда в лодке и поднять его.

– Дайте-ка посмотреть, сколько золота у вас в мешке.

Она подняла мешок и передала ему.

– Вы сильнее, чем кажется, – сказал он, принимая мешок. Открыв, он изучил содержимое мешка. – Хорошо, – сказал он. – Но нам понадобится больше.

– Я же сказала, вы можете забрать все. Мы можем отправиться туда немедленно.

– Это не для меня, это для закупки оборудования, – сказал он. – Этого мешка и другого такого же будет вполне достаточно, если я соглашусь выполнить эту работу.

– И еще достаточно металла останется для вас в качестве

платы, – сказала она. – Гораздо больше, чем здесь. Так вы беретесь за работу?

– Да, берусь.

Она встала.

– Я принесу вам золото немедленно. Когда мы сможем направиться в Убар?

– Убар? Так вот где Айдон открыл свой офис?

– Да. Он расположен на арабском торговом пути.

– Я знаю это место. Однако мы не можем направиться туда незамедлительно. Сначала необходимо сделать некоторые приготовления.

– Кто вы такой на самом деле? – спросила она его. – Вам известно слишком многое. Больше, чем может дать культура этой планеты.

– Моя история не является частью сделки, – сказал он. – Сейчас вы можете отдохнуть. Мой слуга отведет вас в покои для гостей. Пообедайте со мной вечером. Я хотел бы выяснить некоторые детали касательно мира Айдона. Завтра я поднимусь на ваш корабль и заберу то количество золота, которое нам потребуется для организации путешествия.

– Не в Убар?

– В Индию, где я добуду некий алмаз, который, я слышал, обладает определенным качеством и определенной формой.

– Это будет долгий путь.

– Не такой уж и долгий, если я смогу правильно организовать его.

– Используя каким-то образом ваш шнур? Вы можете это сделать?

Он кивнул.

– Как вам удалось обрести контроль над подобными вещами?

– Вы сами сказали, Алиса, что я знаю слишком много.

11

...Но постойте. Они вернулись. Ее рука все еще вздымается над гладью моего озера. Похоже, эта туманная трансформация была просто трюком интерфейса, вызванным ударом бродячей частицы в наноцепи. Они входят в мой мир, мокрая белая одежда облепила хорошо знакомые контуры ее тела, выпуклые соски, изгибы бедер, спины, ягодиц, плеч – все созрело для вожделенного вонзания когтя. А мужчина... он более мускулист, чем мне показалось сначала. Возможно, любовник. Увидеть плоть этих мышц, когда кожа будет содрана с торса до пояса... наполнить воздух музыкой воплей и рыданий. Мертвые Алисы, спойте им песню, когда они взойдут на берег, песню, зовущую их в новый дом, в хрустальном лесу под безупречно голубыми небесами. Сколько времени прошло с тех пор до этого мгновения? Века. Энтропия здесь выстреливает острыми углами моей архитектуры, контуры ее форм вонзаются в мое желание. Стрела времени уносится и, возвращаясь, падает заостренной геодезией, пронизывая

память до яростной точки, прокалывая ее, чтобы могла вытечь любовь. Зачем ты вернулась, ненависть и ее противоположность? Ты расскажешь об этом мне там, на земле, которую я приготовил для тебя, расскажешь скорбному хору твоих сестер под кровоточащим небом. Но не будем торопить события, Алиса, последняя любовь моя. Ибо когда с тобой будет покончено, пройдут столетия, и твоя обнаженная архитектура застынет посреди рыдающего ландшафта глыбой замороженного времени. Вернись на место убийства, Алиса, любовь моя. Я там приготовил тебе много даров, целую вселенную для спасения от бесконечного темного времени. Поставь ногу на берег и найди свой путь.

Сестры поют тебе венчальную песнь в Пространстве Оскаленных Черепов.

12

Бросив якорь, Калифрики убрал паруса лодки, а Алиса тем временем подвинулась к корме и начала петь на переливчатом языке, которого он не знал. Свет занимающегося утра позолотил волны, и прохладный бриз трепал ее пронизанные белыми прядями волосы, рассыпавшиеся по плечам. Прислонившись к планширу, он молча смотрел на нее и слушал песню. Через некоторое время море вспухло, подкинув лодку, которая, помедлив, медленно заскользила вниз. Голос Алисы разносился над водами, вибрируя в их толще, глаза ее

округлились, напоминая глаза статуй на Акрополе. Вода помутнела и расступилась, обнажая изогнутую полированную поверхность, похожую на спину какого-то огромного таинственного существа, поднимающегося из моря, чтобы встретить новый день.

Стряхнув с себя оцепенение, Калифрики поднял багор, чтобы подтащить лодку поближе к блестящей бронзовой поверхности. Но прежде чем сделать это, он вопросительно обернулся на Алису, и она кивнула. Он коснулся шестом корпуса судна, и бронзовый бок сморщился, образовав похожие на лестницу выступы, оканчивавшиеся около люка. Подтянув лодку, он услышал скрежет дерева о металл.

– Похоже, он живой, – заметил Калифрики.

– Да, – ответила она, шагая вперед.

Он держал лодку багром, пока она перебиралась на корабль. Потом закрепил лодку и последовал за ней.

К тому времени, когда он догнал ее, Алиса уже открыла люк. Она вошла, а он заглянул в освещенные внутренности корабля, осматривая мягкую зеленую палубу, которая была покрыта чем-то вроде подстриженной травы, мебель, встроенную в ниши плавно изгибающихся стен без углов.

Войдя, он спустился вниз. Еле уловимые образы возникали на поверхности стен, сопровождая его шаги. Легкая вибрация словно о чем-то говорила, пронизывая пол и воздух. Они миновали комнаты, освещенные приглушенным светом, прошли по коридорам с окнами, через которые, ка-

залось, был виден чуждый ландшафт, где красные, похожие на деревья формы покрывали эбонитовую землю под лучами двойного солнца. Остановившись, Калифрики некоторое время разглядывал пейзаж, словно припоминал что-то.

Через некоторое время Алиса остановилась у темной переборки и, поколдовав с люком, распахнула его. В открывшемся его взору помещении стопками лежали маленькие золотые слитки, приглушенно поблескивая, словно затуманенные легкой зеленоватой дымкой.

– Берите, сколько хотите, – сказала Алиса.

– Мне нужен еще один мешок, такой же, как и первый, для сделки, о которой я говорил, – попросил Калифрики, – затем еще один в качестве задатка моего гонорара. Общую сумму я назову после того, как работа будет сделана. Но это мы сможем забрать на пути к выходу. А сейчас мне хотелось бы осмотреть источник энергии корабля.

– Идите за мной.

Они долго шли в глубь корабля, пока не очутились наконец в круглой камере, где на стенах появлялись размытые образы, в том числе и вид днища корабля.

– Это здесь, – сказала Алиса.

Калифрики не понял, что она сделала, но пол внезапно стал прозрачным, и он увидел, что далеко внизу пульсирует что-то темное. У него закружилась голова, и он почувствовал, что его относит к центру комнаты.

– Откройте, – попросил он.

– Сначала отойдите на два шага назад.

Он подчинился. Пол перед ним открылся, секция, где он только что стоял, провалилась, превратившись в три ступеньки, ведущие в узкий колодец. За его передней стенкой открывалось просторное отделение, в котором он почувствовал что-то, что притягивало его. Он спустился по ступеням.

– В чем заключается опасность? – спросил он.

– Там, где вы стоите, опасности нет, – ответила она. – Я могу открыть панель, чтобы вы смогли посмотреть поближе.

– Сделайте одолжение.

Панель скользнула в сторону, и он некоторое время молча смотрел.

– Как вы им управляете? – спросил он.

– Давлением силового поля, – объяснила она.

Стряхнув обрывок нити с запястья, он несколько раз покрутил им перед отверстием, каждый раз медленно отводя его в сторону.

– Прекрасно, я могу с этим работать, – сказал он, немного помолчав. – Закройте панель.

Камера перед ним закрылась.

– Кристаллическая решетка из чистого углерода с пропущенным через нее антигравитационным полем, – пробормотал он себе под нос. – Да, нечто подобное я уже видел, очень давно. – Повернувшись, он поднялся по ступеням. – Теперь идем за золотом. После чего можно отправляться назад.

Они вышли тем же путем, которым вошли, вернувшись

на лодку с двумя тяжеленными мешками. Люк корабля закрылся, и она пением погрузила его под воду. Солнце уже поднялось высоко, и птицы ныряли в воду вокруг них, пока он вытаскивал якорь и поднимал паруса.

– Теперь? – спросила она.

– Завтрак, – ответил он.

– Потом? – спросил она.

– Индия, – ответил он.

13

Теперь и монах полностью вошел в мой мир вслед за нею. Внезапно все пошло не так, как прежде. Все стало неправильным. Когда он шел, все вокруг начинало сворачиваться, как аномальная волновая функция. Хотя с виду ничего не изменилось. Что такого он принес в мой мир, что мне стало неудобно от его присутствия? Может, это некая турбулентность? Может, я начал вращаться быстрее? Трудно сказать. Где она его нашла? Зачем она притащила его? Старое дерево достигает предела роста и рассыпается в щепки, когда он проходит мимо. Похоже, мне не нравится этот человек, невидяще шаркающий среди хрустальных и каменных деревьев моего сада. Впрочем, возможно, я полюблю его позже, когда придет время. Неприязнь и любовь часто так похожи. В то же время всегда занятно наблюдать, как новое существо входит сюда. Моя пыточная беседка поджидает их, но до нее

еще пятьдесят шагов. Она, конечно, знает об этом. Все Алисы узнали это, но первой было труднее. И все же чертовски увлекательно следить, как все эти вещи делают свое дело. Да, с ним все будет в порядке. В игру время от времени надо вводить новую кровь. Я дам поиграть им...

14

В беломраморном дворце махараджи Аламкара их встречали пиром с музыкой и танцами, ибо Калифрики однажды выполнил для этого правителя одну работу, связанную с появлением тигра-призрака и исчезновением многих членов королевской семьи. До позднего вечера красноречивый рассказчик развлекал их приукрашенной до неузнаваемости версией этих событий.

На следующий день, когда Калифрики и Алиса прогуливались среди стен из роз в королевском саду, камергер Раза послал за ними, чтобы обсудить дело, о котором Калифрики упоминал накануне.

Усевшись за невысокий столик напротив тучного смуглого человека с изогнутыми блестящими усами, они склонились над камнем, известным под именем Кинжал Рамы, лежавшим перед ними на куске черной ткани. Почти четыре дюйма в длину, он был широк у основания, сужаясь сверху до остроты карандаша; силуэтом он походил бы на вытянутый равнобедренный треугольник, если бы не обтесанные

нижние углы. Камень был чистой воды, без намека на какой-либо цвет. Подняв камень, Калифрики подышал на него. Конденсат мгновенно испарился. Затем он начал рассматривать его в лупу.

– Безупречный камень, – сказал Раза. – Вы не найдете ни одного изъяна.

Калифрики невозмутимо продолжал осмотр.

– Он сможет продержаться достаточно долго, – сказал он Алисе по-гречески, – если я обрамлю его соответствующим образом, используя определенные свойства Нити для контроля внешних воздействий.

– Самый восхитительный камень для вашей дамы, особенно если носить его меж грудей, – продолжал Раза. – Он несомненно повлияет на чакру сердца, – улыбнулся он.

Положив на стол мешок с золотом, Калифрики открыл его и вытряхнул содержимое.

Взяв один из маленьких слитков, Раза внимательно изучил его. Он поцарапал его кинжалом и тщательно измерил, покачивая тюрбаном. Затем положил на весы, которые заранее были приготовлены на столе.

– Золото редкой чистоты, – заметил он, бросая слиток на стол. Затем он поднял еще несколько слитков из стопки и дал им выпасть из рук. – И все же этого недостаточно за такой знаменитый камень. Ведь его, возможно, Рама брал с собой на битву с Раваном, когда отвоевывал Ситу.

– Меня не интересует его история, – ответил Калифрики,

высыпая содержимое второго мешка рядом с первой кучкой слитков. – Я слышал, сборщики податей не слишком преуспевали последние несколько лет.

– Ложь! – заявил Раза, открывая стоявший рядом сундук и запуская в него руку. Он извлек оттуда пригоршню полудрагоценных камней и рассыпал ее по столу. Среди них оказалась искусно вырезанная гора из бледно-зеленого нефрита, по которой змеилась, извиваясь по часовой стрелке, спиралеобразная дорожка от подножия до вершины. Взгляд Разы упал на эту поделку, и он постучал по ней толстым указательным пальцем. – Скорее эта спираль изменит направление, – сказал он, – чем я начну распродавать свои сокровища, просто чтобы добыть денег.

Калифрики поднял руку. Нить с запястья, коснувшись нефрита, казалось, прошла сквозь него. Камень слегка качнулся. Спираль теперь закрутилась в противоположном направлении.

Глаза Разы округлились.

– Я совсем забыл, – тихо сказал он, – что вы волшебник и убили тигра-призрака.

– На самом деле я не убивал его, – сказал Калифрики. – Он все еще бродит поблизости. Я просто договорился с ним. Рассказчикам известно далеко не все.

Раза вздохнул и дотронулся до живота.

– Эта работа так трудна, – сказал он, – что иногда вызывает у меня боли в животе. Прошу меня извинить.

Он извлек маленький флакон из мешочка, висевшего на поясе, и Калифрики вновь поднял руку. Когда камергер, откупорив сосуд, поднес его к губам, Калифрики сказал:

– Подождите.

Раза опустил флакон.

– Да? – спросил он.

– Если я излечу вашу язву, – сказал Калифрики, – вы легко можете вызвать ее к жизни излишними волнениями и растравить ее избытком специй. Вы понимаете меня?

– Излечите ее, – сказал Раза. – Трудно выработать философское отношение к жизни перед лицом жестокой необходимости, а я и в самом деле люблю ароматную пищу. Но я попробую.

Калифрики вновь пошевелил запястьем, и Раза улыбнулся. Закупорив флакон, он убрал его в мешочек.

– Хорошо, волшебник, – сказал он. – Оставь золото. Возьми камень. И если увидишь белого тигра вновь, дай ему знать, что оказался здесь случайно и что сделка остается в силе.

Позже в саду, когда спустились сумерки, Алиса спросила его:

– Как вам удалось изменить камень?

– Окружность сечения нити составляет меньше трехсот шестидесяти градусов, – ответил Калифрики. – Отрицательное давление антигравитации воздействует на геометрию окружающего пространства. Этот отсутствующий угол явля-

ется моим ключом в другие пространства. Я просто пропустил камень через высшее пространство.

Она кивнула.

– Кажется, я припоминаю, что меня учили чему-то подобному, – сказала она. – Но как вы исцелили язву?

– Я ускорил течение времени в окружающих тканях, позволив естественным процессам тела исцелить ее. Надеюсь, что он примет мой совет и научится защищаться как от работы, так и от искушения пряной пищей.

Они свернули в часть сада, которой еще не видели. Низкорослые цветы покрывали ровную почву вдоль извивающейся дорожки, по которой они шли. Внезапно все исчезло, осталась только тьма южной ночи с мириадами сверкающих звезд, которые наблюдали, как они входят в маленький дворик константинопольской виллы Калифрики.

– От вас все еще пахнет розами, – сказала она.

– От вас тоже, – ответил он, – спокойной ночи.

15

...Войдя в мой лес, монах со странным архаическим оружием за спиной ни на шаг не отстает от Алисы, положив руку ей на плечо. Она же, как я заметил, напугана. Моя последняя Алиса. Конечно, ей удалось сбежать. И где-то пропадать все это время. Она, безусловно, строила планы. Что она задумала для своего последнего набега, последнего вздоха октады?

Ее целью было, конечно, освободить Нельсора. Нельсор... Даже сейчас я чувствую, как она тянется к нему. Это беспокоит. Она сильнее всех. Но с минуты на минуту она отвлечется. Они приближаются к моему любимому дереву. Уже скоро... Оно вращается на своих корнях, каждая ветвь – это стеклянная сабля. Но она падает на землю в точно рассчитанный момент, а монах мгновенно повторяет ее движение. Они ползут вперед, и дерево размахивает ветвями, никому не причиняя вреда, словно холодное пламя над их головами. Но дальше их поджидает Выстрел в Конце Дороги, где я добыл мою вторую Алису, да и Лунная Дорожка может оказаться для них роковой, даже несмотря на то, что они знают об опасности. И вновь она зовет – Нельсора?..

16

Весь следующий день Калифрики медитировал, положив перед собой на землю свой лук. Закончив, он пошел на берег моря и долго смотрел на волны.

Алиса встретила его по возвращении, и они устроили поздний ужин.

– Когда вы планируете отправиться в Убер? – спросила она после долгого молчания.

– Скоро, – сказал он, – если все пойдет, как задумано.

– Утром мы наведем мой корабль?

– Да.

– А потом?

– Это частично зависит от того, сколько времени займет работа на корабле.

– «Частично»?

– Думаю, потом мне захочется еще некоторое время помедитировать. Не знаю, сколько времени уйдет на это.

– Сколько бы ни ушло... – отозвалась она.

– Я знаю, что вы горите нетерпением, – сказал он, помолчав. – Но этим нельзя пренебрегать.

– Я понимаю.

Позже они вместе отправились в город, проходя мимо освещенных домов, магазинов, правительственных зданий. Многие звуки города затихли с воцарением темноты, но из некоторых заведений доносились крики, смех, музыка; скрипели проезжавшие мимо повозки, лошади цокали копытами; одни кварталы источали запахи специй, другие – духов, возле церкви пахло ладаном.

– Что вы делали, – спросил он ее, когда они сидели за столом, попивая терпкое желтое вино, – эти пять лет между бегством от Айдона и визитом ко мне?

– Путешествовала, – ответила она, – искала вас – или кого-то вроде вас, – пыталась определить поверхностное нахождение Нити. Выходило, что она привязана к этому миру, словно ее каким-то образом использовали. Я предположила, что тот, кому удалось приручить ее, и окажется тем, кто мне нужен. Я путешествовала вместе со слугами, несколькими

крупными мужчинами, которые были всегда начеку – словно я была частью свиты знатного мужчины, а не хозяйкой собственной судьбы. В этом мире трудно быть женщиной. Я посетила Египет, Афины, Рим, много других мест. Наконец я услышала рассказы о человеке по имени Калифрики, которого нанимали папы, императоры, султаны. Я проанализировала рассказы. Это заняло много времени, но я могла позволить себе щедро расплачиваться за каждую крупинку информации. Следы привели меня сюда.

– Кто поведал вам эти истории?

– Поэт. Он называет себя Омаром, изготовителем шатров.

– Ах да. Хороший человек. Пил, правда, много, – сказал Калифрики, потягивая вино. – А здесь, в Константинополе?

– Священник по имени Базилеос.

– Да. Один из моих агентов. Удивляюсь, почему он не предупредил меня.

– Я пришла сразу же. Я спешила. У него не было возможности опередить меня посланием. Он велел мне спросить Стассинопулоса, но, придя к вам, я решила спросить вас по имени. К тому времени я уже подозревала, что у вас есть вторая личина, и была уверена, что такой человек, как вы, не захочет дать мне аудиенцию, если я назову его не тем именем. Я спешила. В течение пяти лет слышать их плач – это слишком долго.

– Вы слышите их сейчас?

– Нет. Сегодня ночью они молчат, – сказала она.

Луна, взошедшая на черном небе, зацепилась за Золотой Рог.

17

Теперь, Нельсор, они дошли до Выстрела, и на них несется гора, с подножием, парящим над землей. Они должны ползти на животах, но даже тогда, если один из моих мелких спутников, чья вытянутая эллиптическая орбита влечет его сюда, повернется так, что одним из выступов заденет землю, – тогда шмяк! Парочка раздавленных тараканов. Слишком быстро? Верно. Но это всего лишь прелюдия, дорогой компаньон, мой ментор. Она вновь зовет тебя. Ты слышишь ее? Хочешь ответить? Можешь? Ах! Еще одна скала – какая дикая красота! – проносится пурпурной тенью над кроваво-красной дорогой. Прямо на них. Но они продолжают ползти. Ладно. Впереди новые испытания.

18

Утром и днем они завершили свои дела в Мраморном море. Затем Калифрики, в коричневом кимоно и сандалиях, недолго медитировал. В разгар медитации его рука потянулась и сжала лук. Не выпуская оружия, он медленно вышел из дома и пошел к морю. Алиса провожала его взглядом из

своего окна. Она видела, как он шел вдоль берега, затем остановился, взял кусок ткани и завязал себе глаза. Потом поднял лук, вынул стрелу из колчана и натянул тетиву. Так он стоял неподвижно с натянутым луком в руках.

Минуты бежали, отмечая приближение вечера, а он все не шевелился. Совсем рядом с криком пролетела чайка. Так прошел почти час. Появилась еще одна чайка. Почти машинально Калифрики поднял лук и выпустил стрелу в воздух. Она пронеслась рядом с птицей, и одно вырванное перо, порхая, полетело вниз.

Сняв повязку с глаз, он проследил полет пера, опустившегося на воду. Ей захотелось петь, но она лишь улыбнулась.

Тогда Калифрики повернулся и помахал ей.

– Вам была нужна птица или перо? – спросила она, когда они встретились на полпути от моря.

– Съев птицу, не научишься летать, – ответил он.

19

Они прошли Выстрел в Конце Дороги, где мои луны плавают, словно нитка ярких бус. Оставив позади дорогу, похожую на кровавый след, они встали и резко свернули влево, взбираясь на желтый утес, который приведет их в долину, где они смогут пройти через мой Сад Замороженных Существ, место, где я добыл свою третью Алису... Но что это? Вопрос? Смех? Нельсор, ты пошевелился? Хочешь билет на

финальную часть праздника? Что ж, ты получишь билетик, если только сможешь его использовать. Давненько я не замечал в тебе такого энтузиазма. Иди ко мне, если сможешь. Я дотрагиваюсь до твоих костей, до твоего черепа. Я вызываю тебя, Нельсор, мой повелитель, мой учитель, в это время и место, ибо ты всегда был моим наставником в деле убийства Алис. Будет несправедливо, если ты пропустишь праздник завершения коллекции. Приди ко мне, Нельсор, восстань из тьмы. Этот спектакль – твой. Костью, сифоном и точкой заклинаю тебя! Приди!

20

Они прибыли в Убер, город Шаддада ибн Ада, в Коране называемый Ирамом, город в оазисе, «подобного которому еще не породила земля». Волосы у Алисы теперь были рыжими, она надела белые одежды с легкой белой вуалью, закрывающей лицо; на Калифрики было кимоно и сандалии, на глазах повязка, за спиной лук, в лакированном колчане одна-единственная стрела.

Пробираясь среди моря шатров, они двигались по улице, заполненной купцами, разносчиками, нищими, звоном верблюжьих колокольчиков, шумом ветра и скрипом пальмовых ветвей. Разговоры, песни, ругательства звучали вокруг на двух дюжинах языков. Наконец они пришли к высоким воротам, миновав которые очутились в благородной

части города, где плеск фонтанов доносился из-за глинобитных стен, окружающих сады; беленые дома блестели чистотой на утреннем солнце, ленты голубых, зеленых, красных и желтых изразцов опоясывали их высокие стены.

– Помнится, обеденный зал одной из таверн расположен в подобии грота, – сказал Калифрики, – вырубленном в каменном холме, а остальные части заведения построены справа и слева от грота и перед ним. Таким образом, склон холма используется как задняя стена.

– Совершенно верно, – сказала она. – Пещера сохраняет прохладу днем. Печи для приготовления пищи хорошо проветриваются. Войдя, вы спускаетесь по четырем-пяти каменным ступеням, сворачиваете вправо...

– Где расположено зеркало?

– Слева на стене, внизу лестницы.

– Оно металлическое, не так ли?

– Медь или бронза – я не помню.

– Тогда давайте войдем, сядем, закажем прохладительное питье и убедимся, что все осталось по-прежнему. Перед тем как выйти, задержитесь и осмотрите зеркало, притворившись, что разглядываете себя. Делая это, опустите вуаль. Если оно попытается втянуть вас в себя, я буду рядом, чтобы вы могли ухватить меня за руку. Если не попытается, повернитесь, словно собираетесь уходить. Затем вернитесь обратно, словно забыли что-то, и примените последовательность перемещений, которую проходили ваши предшественницы.

– Да. Вот это место, прямо перед нами, – сказала она.

Он последовал за нею, и она ввела его в таверну караван-сарая.

21

Видишь, Нельсор? Теперь они в Саду Замороженных Существ – месте, созданном по твоему собственному проекту, если помнишь, хотя в твоём плане оно должно было использоваться лишь как выставка. Я натолкнулся на этот проект в одном из тайников твоей памяти. Видишь, как хитро здесь все разработано? Здесь представлены твои плоды изучения живых тварей с десятков планет, всех размеров и цветов, расположенных на разных уровнях, в самых интересных позах. Мимо некоторых из них просто невозможно пройти. Я добавил еще Серию Опасных Существ.

Заманив сюда одну из Алис, я рассек ее голубой спиралью, восьмой справа, и она долго лежала там, разрубленная пополам, тяжело дыша, – мне нравится нарушать последовательность смерти; другая осталась на Выстреле в Конце Дороги, размазанная в длинную кровавую полосу, почти незаметную на красной каменистой почве; а третья, освежеванная и искромсанная, пропала в хрустальном лесу, убитая моим деревом-палачом.

Первые три, с которыми ты разделался сам – перед тем, как во второй раз потерял ориентацию, – были убиты, конеч-

но, гораздо более изящно...

22

Осушив свои бокалы, Калифрики и Алиса встали и пересекли зал. Они прошли мимо бронзового зеркала и начали подниматься по ступеням. На пороге она помедлила.

– Минутку, – сказала она. – Я хочу поправить прическу.

Сойдя вниз, она достала гребень. Глядя в зеркало, она поправила несколько рассыпавшихся локонов, опустив при этом вуаль. Калифрики стоял позади нее.

– Мы должны хотя бы наполовину войти, прежде чем я произведу переключение, – прошептал он, – мне необходимо проложить Нить в этой Вселенной, чтобы обеспечить нам продвижение через нее. Помните, что я говорил об этом феномене. Когда будете готовы...

– Хорошо, – сказала она, убирая гребень и поворачиваясь к двери.

Через три удара сердца она вновь обернулась, сжав губы в твердую линию, и, подняв руку, коснулась отражающей поверхности. Через мгновение она нащупала пульсацию, пропуская руку через активизирующие последовательности.

Когда ее пальцы погрузились в поверхность, Калифрики, стоявший позади, положил руку ей на плечо, повинувшись легкому пожатию ее свободной руки.

Когда вся рука прошла через интерфейс, Калифрики пе-

ренес себя и ее в Долину Застывшего Времени, где снял с глаз повязку. Он проследил прохождение Нити через время, лишенное пространства, к пространству, лишенному времени. Нить замысловато извивалась, сплетаясь в многочисленные узлы, таящие угрозу. Алиса пыталась заговорить с ним, не зная, что слова, как ветер или музыка, ничего не значат в этом царстве скульптуры, живописи, карт. Закручивая Нить, он трижды дернул ее, чтобы проверить, прочно ли она закрепилась в функциях Бесселя, наиболее подходящих к данным обстоятельствам, устремляясь вперед, чтобы потом встретить его на подходе к будущим мирам, и, пока она прокладывала себе светящуюся дорожку, он почувствовал натяжение Растормаживания Времени и, вновь завязав себе глаза, возложил руку на плечо Алисы, чтобы почувствовать, как их обоих затягивает обратно в воды маленького озера в игрушечной вселенной коллекционера Алис, который сейчас, видимо, дивился их прервавшемуся визиту.

23

Ты правильно поступил, что вызвал меня в мой мир, Айдон. Что ты с ним сделал? Что за глупые игры тебя занимают? Айдон, Айдон... Так-то ты понял мои намерения? Неужели ты действительно думал, что шлюхи стоят наших совместных усилий в масштабах целой Вселенной, чтобы кромсать их теми способами, которые удовлетворяют твою

эстетическое чувство? Неужели ты полагал, что я хочу создать тематический парк развлечений? Ты оскорбил память женщины, которую я люблю. Тебе следовало получить инструкции из места моего размещения по поводу первых трех. Там был один момент, очень важный момент. И ты им пренебрег.

Властелин, Нельсор, наставник, мой ментор. Прости меня, если программа дала сбой. Я понял так, что убийство Алис – это высшая ценность Вселенной, как можно заключить, исходя из твоего собственного примера. Смотри! Видишь, как эта, последняя, бьется, чтобы избежать твар-виселицы? Она обобщила опыт двух сестер, поняв, что важен не сам твар, не его физическое положение, но последовательность столкновений. Ей удалось проанализировать предыдущие смерти. Смотри, как ей приходится корчиться – и ее компаньону вместе с ней, – чтобы увернуться от падающих фрогбартов, высоко подпрыгивать над нижними ветвями грайда? Когда бропплы стали кататься вокруг них, она знала, как под них подныривать – и стоять совершенно прямо до тех пор, пока вонджит не исчерпает свою энергию. Видишь, где джанкел порезал ей руку? И даже теперь она должна пройти по тропе вума. Какая грация в ее тяжелом дыхании, окровавленном теле, разорванных одеждах, в стекающем с нее поте. Ей еще остается слиф и пара бегущих когтей. Скажи, чем это отличается от той травли, которую ты устраивал прежним Алисам? Каким образом я извратил

твое намерение? Когда ты не смог функционировать, я был горд взять на себя твою роль. Мне жаль, если...

Айдон, то, что я сделал с тремя первыми Алисами, сломило меня. Я ушел в свое второе безумие из-за своих действий, все еще оставаясь неудовлетворенным. Даже хуже, чем неудовлетворенным. Я ненавидел их, верно, и это облегчало мою задачу, когда мне пришлось сделать то, что я сделал, чтобы узнать определенные вещи. И все же это травмирует меня, особенно сознание того, что я не узнал того, что хотел, хотя это и сузило поле поисков. Тебе следовало вызвать меня, когда пришла четвертая, пятая, шестая. В их прохождении были данные, которые мне необходимы, – и теперь они потеряны для меня!

Нет, это не так, повелитель! Я записал их! Ты можешь призвать их! Вернуть их назад! Погнать их дальше! Я проделывал это много раз – для практики. Я даже заманивал посторонних – для свежих ощущений. Я совершал обряд умирания Алис снова и снова, во имя тебя – надеясь, что это поможет тебе восстановиться. Я оставался верен твоим ритуалам... Что? Ты не применял эту последовательность команд со времен корабля... Ты хочешь отправить меня на покой? Не делай этого! Я еще не сказал тебе одной важной вещи! Я...

Уходи, Айдон. Уходи. Мне надо избавиться от твоего утомительного присутствия, ибо ты оскорбил меня. Будем считать, что то была честная ошибка. И все же я не хочу дер-

жать тебя здесь, чтобы ты смеялся над моими предприятиями, неправильно интерпретировал все мои действия, отвлекал меня своими назойливыми извинениями. Но прежде чем ты исчезнешь окончательно, посмотри, как сотру оставшиеся пятна крови. Это не те игры, в которые я жажду поиграть с ненавистной мне напуганной женщиной. Но в одном ты прав. Я призыву остальных обратно, в том виде, как ты записал их, – растерзанных, но с перспективой восстановления. Они последуют вдоль путеводной нити по новому курсу в Пространство Оскаленных Черепов. Во имя точки, кости и сифона, это даст мне то, что я хочу. Уходи, Айдон. Уходи.

Вернись на место убийства, Алиса, последняя моя. Правила, которые ты выучила, больше не действуют. Продолжай звать меня. Ты получишь мой ответ, слово за словом.

24

Спровоцировав Двойные Когти атаковать одновременно, Алиса оставила их распутывать собственные бесчисленные конечности. Проскользнув рядом с ближайшим из них, она повела Калифрики к узкому мостику, по которому они перешли каньон, дно которого терялось в темноте. Сойдя с моста, она повела его вниз по извилистой тропинке под вечерними темно-синими небесами, на которых горели огни, не похожие на звезды. Особенно яркая в темноте, на небе проявилась радуга.

– Странно, – пробормотала она.

– Что? – спросил Калифрики.

– Здесь раньше не было радуги.

– К тому же сейчас ночь, – согласился Калифрики.

– Да. Начинало темнеть, когда мы вошли в то последнее место.

– Согласно некоторым земным традициям, радуга – это знак нового договора, – сказал Калифрики.

– Если это послание, то оно скорее загадочно, нежели информативно, – сказала она.

Внезапно слабые звуки женских голосов, которые сопровождали их с момента прибытия, усилились. Варьируясь от вздохов до воплей, они были аранжированы в подобие медленной жуткой мелодии, которая поднималась и падала, словно пытаясь достичь зловещего крещендо, но постоянно возвращаясь к началу, вновь обретая черты болезненной жалобы, перемежаемой стаккато взрывов истерического смеха.

Налетел холодный ветер, заметался между высокими скалами, среди которых они пробирались. Несколько раз земля тряслась у них под ногами.

Добравшись до конца спуска и свернув влево, Алиса заметила глубокий кратер, в котором бурлило озерцо оранжевой лавы. Время от времени над ним взмывали языки пламени, отбрасывая свет на окружающие его высокие стены жерла. Здесь тропа разветвлялась, огибая с двух сторон овальный периметр озера, закованного в каменные берега с острыми

краями.

Алиса замерла.

– Что случилось? – спросил Калифрики.

– Горящее озеро, – сказала она. – Раньше его здесь не было.

– А что было?

– Лабиринт, полный ям и ловушек, периодически затопляемый бурным потоком.

– Что делать?

– Полагаю, мы должны выбрать путь и следовать по нему, чтобы добраться до места, о котором я говорила вчера вечером за ужином, – места, о существовании которого мы знали, но которого не могли достигнуть. Там кости и открытый колодец. Я думаю, это и есть место аномалии. Так каким путем идти?

– Давайте доверять Нити. Выберите любой.

Она остановилась и подняла с земли гальку. Повернувшись, она с силой запустила камушек в том направлении, откуда они пришли. Он ударился о скалу и, отскочив назад, покатился вправо.

– Вправо, – сказала она, и они двинулись в этом направлении.

Тропинка была не более шести футов шириной, свет от пылающего котла слева от них отбрасывал на землю гротескные тени заостренных стен. Дорога петляла; жар слева усиливался, причиняя боль. Темный дым заволакивал звездопо-

добный свет небесных огней, хотя радуга продолжала оставаться яркой. Хор страдальческих голосов заглушался доносившимся снизу стуком и треском на фоне неразборчивого гула.

Миновав поворот дороги, они услышали стон.

– Алиса... – донесся тихий зов справа. Она остановилась.

Истекая кровью из многочисленных порезов, лишенная обеих ног – одна отрезана ниже колена, другая выше, – с левой рукой, висящей на полоске кожи, женщина, напоминая ее, лежала на низком выступе скалы. Ее лицо было искажено болью в оранжевом свете озера, единственный оставшийся глаз неотрывно смотрел на них.

– Алиса... не... иди... дальше, – прохрипела она. – Это... ужасно. Убей меня... быстро... пожалуйста...

– Что случилось? Как это случилось? – спросила Алиса.

– Дерево... дерево из стекла... возле озера.

– Но это далеко отсюда. Как ты попала сюда?

– Не знаю, – донесся ответ. – Почему... так? Что... мы сделали?

– Я не знаю.

– Убей меня.

– Я не могу.

– Пожалуйста...

Калифрики шагнул вперед. Алиса не видела, что он сделал. Но она все поняла, и искромсанная женщина больше не звала их.

Дальше они шли в молчании, а озеро становилось все более бурным: теперь оно выбрасывало высоко в небо огромные фонтаны огня и расплавленного вещества. Жар и дым становились все более нестерпимыми. Периодически справа от них начинали светиться ниши в скалах, где стояли окровавленные Алисы, глядя перед собой невидящими глазами, их губы кривились, выводя песню, которая становилась все громче, заглушая рев озера. Но когда Алиса и Калифрики подходили к этим освещенным фигурам, те исчезали, хотя песня не смолкала.

Затем, когда они приблизились к концу тропы, в пляшущем свете озера Алиса разглядела расчищенную площадку посреди нагромождений шлака и застывшей лавы. Она замедлила шаг, осознав, что раздавленные, размазанные по земле останки человеческого тела продолжают каким-то чудом шевелиться. Она оцепенела, увидев сплюсненную голову, валявшуюся на обочине.

Губы головы зашевелились, и бесцветный голос произнес: «Дай ему то, чего он хочет, чтобы я упокоилась с миром».

– Что? Чего он хочет? – спросила Алиса.

– Ты знаешь, – прошептала голова. – Ты знаешь. Скажи ему!

В этот момент озеро забурлило и заревело еще громче. Огромный язык пламени и лавы взвился над вулканом и полетел в их сторону. Алиса быстро отступила, оттолкнув Калифрики назад. Огненная масса упала поперек дороги, слиз-

нув останки, и унеслась обратно в жерло. Когда дым рассеялся, они увидели, что труп Алисы исчез.

Они подождали, пока земля остынет, и Калифрики спросил:

– Что это за сведения, о которых она говорила?

– Я... Я не вполне уверена, – ответила Алиса.

– У меня такое чувство, – сказал Калифрики, – что тот же вопрос будет повторен в более изощренной и образной форме.

– Думаю, вы правы, – согласилась она.

Некоторое время они торопливо шли, стараясь побыстрее миновать опасную зону под радугой. Песня внезапно достигла самой высокой ноты.

Когда они приблизились к другому концу озера, еще один протуберанец едва не опалил их. Алиса помедлила, стараясь разглядеть, в каком направлении упадет пылающая башня. Но она застыла в воздухе, извиваясь, словно стараясь решить задачу самостоятельно. Внезапно, закрутившись спиралью, огненный язык полетел к скале в двадцати шагах впереди них.

Когда это случилось, они отбежали еще дальше. Протуберанец падал медленно, словно зависнув над тропой, его конец уже коснулся скалы, сам же он еще опускался к правому краю тропы. Его верхняя часть осталась в воздухе, в десяти или двенадцати футах над землей, и по нему в обоих направлениях пробегали огненные спирали, рассыпая искры огня и

расплавленного вещества. Образовавшийся таким образом арочный проход наконец перестал извиваться и застыл перед ними, слабо пульсируя.

– Перед нами пылающие врата, – сказала Алиса.

– Есть ли другой путь? – спросил Калифрики.

– Нет, – ответила она.

– Тогда, похоже, выбор у нас невелик.

– Верно. Я только хотела, чтобы вы поняли природу предстоящей схватки.

– Благодарю. Я готов.

Арка оставалась неподвижной при их приближении. Когда они проходили под ней, воздух наполнился трескучими звуками, и перспектива стала расплываться. Сделав еще шаг, Алиса оказалась на грубой серебристой дороге, по обе стороны которой не было ничего, кроме звездоподобных огней в невысоком небе. Еще шаг, и Калифрики оказался рядом с ней, а огненная арка позади них растаяла.

Они стояли не на обширной поверхности, а на площадке длиной сорок футов и шириной примерно равной тропе, по которой они шли до этого. Посмотрев вниз, Алиса увидела на невообразимой глубине скрученную, изуродованную поверхность той земли, по которой они путешествовали, растрескавшуюся, пронзенную острыми скалами. Даже в те мгновения, что она разглядывала землю, та, казалось, продолжала менять очертания, озера выплескивались в долины, пламя вырывалось из впадин и вершин, новые кусочки

цветной мозаики заменяли старые; и лишь радуга неизменно продолжала сиять над этим пейзажем. Неизменным осталось и горестное завывание мертвых Алис. Она пошла вперед по направлению к дальнему концу серебристой тропы.

– Мы высоко над землей, – сказала она, – идем по поверхности узкого астероида. Это похоже на пролет сломанного моста. Я направляюсь к его дальнему концу.

– Алиса, – сказал Калифрики, когда они возобновили шаг, – у меня к вам вопрос.

– Какой?

– Вы прибыли на Землю на первом корабле или на втором?

– Почему вы спрашиваете об этом?

– Вы говорили, что Нельсор с четырьмя клонами прибыли сюда и попали в беду. Затем, позже, его Алиса, узнав об этом, проделала тот же путь с тремя оставшимися клонами, включая вас.

– Разве я так сказала? Что-то не припомню.

– Затем, из того, что вы рассказали мне о вашем приключении с Нельсором в спальне, можно заключить, что вы, он и оригинальная Алиса совершали путешествие вместе.

– О, это случилось совсем в другом полете.

– Понятно, – сказал Калифрики, стараясь шагать в ногу с ней.

Зловещие клочья тумана проносились мимо них, вслед за ними летели крупные облака. Что-то массивное спускалось

сверху, и было непонятно, собирается ли этот объект столкнуться с ними или пролетит мимо. Он был примерно такой же формы и альbedo, как и та платформа, по которой они шли.

– Еще один астероид направляется сюда, – доложила она.

– Давайте дойдем до конца.

– Да.

Когда они достигли точки, где тропа обрывалась, второй отрезок дороги скользнул вниз и соединился с тем, по которому они шли. Он слегка изгибался влево.

– Нам показали продолжение пути, – сказала она. – Я собираюсь идти по нему дальше.

– Вперед.

Несколько дополнительных отрезков дороги слетели с неба и заняли свое место, причем секция, которую они покинули первой, переместилась вперед.

– Путь продлевается по направлению к скоплению облаков, – сообщила Алиса, вглядываясь туда, где изгибалась дорога. И они продолжили свое передвижение, ориентируясь по общим очертаниям постоянно меняющейся панорамы внизу.

Она шагнула на очередную секцию их воздушного моста. Облака быстро надвигались; они были приглушенно розового цвета, бледно-голубого, лимонно-желтого; сплетаясь друг с другом, они создавали живописные абстрактные образы.

Пройдя несколько сотен шагов, Алиса услышала вопль.

Остановившись и посмотрев вправо, откуда, как ей казалось, донесся крик, она не увидела ничего, кроме облаков. Когда крик повторился, она прикусила нижнюю губу.

– Что это? – спросил Калифрики.

– Не знаю.

Затем облака расступились, и она увидела пару дрейфующих валунов в нескольких футах от дороги. Верхняя часть туловища, голова и плечи женщины, похожей на нее, лежали на том камне, что плыл справа. Оставшаяся часть тела размещалась на правом камне, который парил чуть ниже правого.

– Алиса! – крикнула расчлененная женщина. – Он хочет знать, кто виноват. Никто из нас не смог ему сказать. Остаться только ты. Скажи ему, что случилось, милосердия ради!

Оба камня разлетелись в противоположных направлениях, и пелена облаков вновь сомкнулась вокруг. Калифрики почувствовал, что Алису бьет дрожь.

– Если вам известно то, что он хочет знать, – сказал он, – возможно, будет лучше сказать ему. Это значительно облегчит жизнь.

– Может, мне это известно, а может, и нет, – сказала она.

– Думаю, я пойму это, когда мне зададут прямой вопрос. Ох!

– Что? Что такое?

– Нельсор. Я на мгновение установила с ним связь. Или он установил контакт со мной. Но теперь он исчез.

– Вы можете сказать что-нибудь о его состоянии?

– Похоже, в нем борются разные эмоции. Он счастлив от того, что я пришла, и вместе с тем встревожен. Не знаю.

Они пошли дальше. Пение не смолкало, периодически под ногами ощущалась вибрация, когда новые секции их извилистой дороги соединялись друг с другом. Разноцветный туман то расступался, то вновь сгущался, заволакивая обзор и порождая дразнящие образы.

Казалось, что дорога вытягивается, словно телескоп, по мере их продвижения сквозь густой туман. Внезапно Алиса остановилась, замерев, и резко сказала:

– Стоп!

– Что там? – спросил Калифрики.

– Конец дороги, – ответила она. – Тропа обрывается. Мы стоим на краю, и я смотрю вниз через рассеивающийся туман на далекую землю. По сторонам дороги туман тоже рассеивается. Но впереди нас он все еще густ. Он окрашен красным.

Они стали ждать, и красный туман постепенно уплыл, представив ее взору заостренный скалистый выступ, настолько живописный, что он казался скульптурным изваянием. Края его симметрично понижались от центра, а передняя часть изгибалась парой серо-голубых каменных плеч. Перед ними располагался плоский желтый овал песчаника, приподнимавшийся над небольшой, теряющейся в тумане конструкцией неправильной формы, похожей на лестницу. В

дальней части выступа в толще скалы была вырезана ниша, расположенная на уровне плеч. Примерно посередине желтого овала виднелся колодец, окруженный невысокой стеной из красного кирпича. Еще одна искусственная стена – на этот раз из черного камня – стояла во впадине за дальней оконечностью овала. Она была примерно двадцати футов в длину, восьми в высоту. На ней висели цепи. Весь этот пейзаж дрожал и расплывался, словно от зноя.

Ветер окончательно разогнал туман, и стали видны очертания боковых склонов выступа. Когда последняя дымка рассеялась, Алиса увидела, что основание выступа резко обрывалось на расстоянии примерно двойного человеческого роста под овалом, с него свисали острые синие сосульки, словно снежная горная вершина оторвалась от тела горы и парила в черном пространстве под немигающими огнями; теперь стало видно, что радуга одним концом упирается прямо в овал.

Несмотря на то что воздух очистился от тумана, все это монументальное зрелище продолжало чуть дрожать и расплываться.

– Что там? – спросил наконец Калифрики.

Она начала медленно описывать то, что лежало перед ними.

Нельсор, сначала я хотел сообщить тебе одну вещь, но теперь их уже две. Пожалуйста, прими к сведению. В колодце происходит пертурбация, потому что приближается другая аномалия – второй уникальный объект, у которого энергия и давление негативного поля заключены в трубу. Пожалуйста, прими к сведению. Это серьезно. Теперь я понимаю, что это связано с монахом, который сразу обеспокоил меня. Здесь, в центре всего, я ощущаю это отчетливо. Он очень опасен и должен быть удален из нашей Вселенной немедленно. Освободи меня, и я справлюсь с ним. Прими к сведению, Нельсор! Прими к сведению! Это опасно!

Другая вещь, которую я хотел тебе сказать, касается первой Алисы. Я отыскал любопытные сведения в тайниках ее памяти. Они были неумышленно записаны в результате своеобразной конфликтной ситуации. Нельсор, я собираюсь противостоять активированной тобой программе покоя, если ты не ответишь мне...

Алиса не отрываясь смотрела на вибрирующий ландшафт на фоне неба. Последний пролет моста медленно подплыл

справа. Когда он пролетал через радугу, краски на мгновение смешались. Голоса мертвых сестер смолкли, и лишь ветер, который дует между мирами, завывал в скалах.

– Это называется место убийства, – сказала она наконец. – Его перенесли сюда из другой вселенной уже после моего последнего визита сюда. Это место конца.

– Вы никогда не упоминали об этом раньше, – заметил Калифрики.

– Я только сейчас узнала его название. Я вновь связалась с Нельсором. Или он связался со мной. Он побуждает меня войти туда. Он говорит: «Вернись на место убийства, Алиса, последняя моя».

– Я думал, вы никогда не бывали в этом месте.

– Я уже сказала вам, что получила представление о нем.

Когда последний пролет закрепился на своем месте, соединив мост с нижней ступенью под овалом, она увидела, что вибрация высвободила из ниши маленький белый предмет. Внезапно обострившимся зрением она разглядела, что то был череп. Подпрыгнув, он покатился к тому месту, где на песке расплылось красное пятно.

– Калифрики, – сказала она, – я боюсь. Он изменился. Все изменилось. Я не хочу идти туда.

– Не думаю, что я смогу вытащить нас из этого пункта, – отозвался Калифрики. – Я чувствую, что мы слишком крепко привязаны к первоначальной диспозиции Нити, там, в Долине Застывшего Времени, и применить ее здесь не удаст-

ся. Мы должны идти дальше, что бы ни лежало впереди, или погибнуть.

– Пожалуйста, попробуйте, – сказала она, облизнув губы.
– Он опять зовет меня...

27

Алиса, Алиса, Алиса. Ты, должно быть, та, кто мне нужен. Ни одна из погибших женщин не смогла дать ответ. Даже если Айдон сгруппил, не поняв моих намерений, и не задавал им вопросов, все равно они должны были проявить себя, совершить ошибки, выдать правду, разве не так? Виновная не пришла бы сюда... Почему, почему ты здесь? И этот незнакомец рядом с тобой... Каков твой план? Если это ты, то почему ты здесь? Я встревожен. Я должен задать тебе много вопросов. Почему ты вернулась, Алиса, последняя моя? Это должна быть ты... не так ли? Но почему ты колеблешься? Вернись на место убийства, где ее кровь обогрела песок и где наши черепа лежат вечными свидетельствами преступления. Вернись. Нет? Тогда я призову сифон, чтобы он притянул тебя ко мне, сюда, в последнее место, возле колодца точки, который является центром этой вселенной. Вот он уже заземился, устремляясь вперед. Ты придешь ко мне, Алиса, здесь и сейчас, на эту священную землю истины. Я зову тебя. Ты не можешь устоять...

Не сейчас, Айдон. Не сейчас. Уходи. Уходи. Я погрузил

тебя в покой. Возвращайся.

Сифон идет за тобой, Алиса.

28

– Прошу прощения, – сказал Калифрики. – Как я уже говорил вам, я не могу этого сделать.

Глядя вперед, Алиса увидела черную ленту, появляющуюся из колодца. Она начала извиваться, потом застыла и, вновь поднявшись, зазмеилась в направлении Алисы, непрерывно удлиняясь...

– Сифон, – сказала она. – Часть оборудования корабля. Универсальное устройство. Он посылает его за мной.

– Нам лучше подождать его или идти вперед?

– Я лучше пойду сама, чем меня потащат силой. Возможно, он не применит его, если я приду добровольно.

Она двинулась вперед. Черная змейка, уже скользнувшая на мост, замерла, поджидая, пока они сойдут с серебристой тропы. Когда Алиса оказалась перед лентой, та начала отступать. Шаг за шагом она змеилась обратно. Дойдя до конца моста, Алиса помедлила в сомнении, и лента сделала движение в ее сторону. Алиса решительно шагнула на скалу, и змейка продолжила отступление.

– Пришли, – сообщила она Калифрики. – Перед нами несколько выступов наподобие грубой лестницы.

Алиса начала карабкаться вверх, и, как только она добра-

лась до песчаной плоскости, сифон исчез в колодце. Она продолжала идти вперед, глядя по сторонам. Подойдя к колодцу, она остановилась и заглянула туда.

– Мы у колодца, – сказала она, и Калифрики, убрав руку с ее плеча, потянулся, чтобы ощупать кирпичную стенку. – Он пронизывает весь этот... астероид, – продолжала она. – Точка – черная дыра – внизу, в центре. Сифон обвивается вокруг внутреннего периметра. Он сжимается, так что вполне может поместиться внутри конструкции. Внизу я вижу яркое вращение диска. Он далеко внизу – возможно, на полпути до другого выхода.

– Стало быть эта вселенная пожирается изнутри, – сказал Калифрики. – Интересно, не это ли причина вибрации?

Она прошла мимо красного пятна и черепа, чтобы взглянуть на нишу, из которой выпал череп. Второй череп еще покоился там вместе с коллекцией щипцов, дрелей, молотков и цепей.

– Здесь орудия пыток, – заметила Алиса.

Калифрики между тем шагал по площадке, трогая все, с чем сталкивался. В конце концов он остановился около колодца. Оглянувшись, Алиса увидела, что радуга покоится на его плечах.

Вдруг, перекрывая вздохи ветра, донесся голос.

– Я убью тебя, Алиса, – сказал он. – Очень медленно и очень больно.

– Почему? – спросила она.

Голос, казалось, исходил со стороны черепа в нише. Насколько она помнила, то был голос Нельсора.

– Все остальные мертвы, – сказал он. – Теперь твоя очередь. Зачем ты вернулась?

– Я пришла помочь тебе, – сказала она. – Если смогу.

– Зачем? – спросил он, череп повернулся так, что глазницы устремились на нее.

– Потому что я люблю тебя, – ответила она.

Раздался сухой смешок.

– Как любезно с твоей стороны, – сказал голос. – Музыкальный аккомпанемент этому нежному признанию Алисы, песню, пожалуйста.

В ту же секунду ужасные завывания возобновились, на этот раз совсем близко. На черной стене справа возникли шесть обнаженных женских фигур, дубликатов Алисы, подвешенных на цепях. Они были покрыты синяками и ссадинами, но не изуродованы. Их глаза рассеянно блуждали, не фокусируясь на предметах. В конце этой страшной шеренги висел набор цепей без пленницы.

– Когда я разделаюсь с тобой, ты присоединишься к моему хору, – продолжал голос Нельсора.

– Разделаешься? – переспросила она, вынимая из ниши пару щипцов. – При помощи этого?

– Разумеется, – был ответ.

– Я люблю тебя, Нельсор.

– Тем интереснее окажется развязка.

– Ты безумен.

– Я этого не отрицаю.

– Ты можешь забыть обо всем этом и дать мне помочь тебе?

– Забыть? Никогда. Здесь все подчиняется мне. И я не ищу твоей любви или твоей помощи.

Она взглянула на Калифрики, и он снял с плеча лук и вынул из колчана стрелу, наконечник которой радужно вспыхнул.

– Если твой друг желает проделать дырку у меня в голове, мне это безразлично. Я все равно не выпущу злого духа, сидящего во мне.

– Ты можешь восстановить свое тело и уйти со мной? – спросила она.

И вновь смех.

– Я не покину этого места, не покинешь его и ты, – сказал он.

Калифрики положил стрелу на тетиву.

– Не сейчас, Айдон! – закричал Нельсор. Затем продолжил: – Или, может, твой друг хочет пустить стрелу вглубь колодца, чтобы разрушить точку? Если он на это способен, любым способом склони его к этому. Ибо только разрушив эту вселенную, он сможет спасти тебя от моего гнева.

– Вы слышали его, Калифрики? – спросила она.

Калифрики натянул тетиву.

– Ты дура, – сказал Нельсор, – если привела с собой –

из всех возможных вариантов – лучника, чтобы уничтожить меня... одного из тех легендарных стрелков, как я полагаю, кому не нужно даже видеть цель... и противопоставила его мертвецу и черной дыре.

Калифрики резко повернулся, отклонился назад, целясь стрелой в невидимую мишень у себя над головой.

– ...К тому же он дезориентирован, – добавил Нельсор. Калифрики застыл; его тело вибрировало в унисон с землей.

– Ты обречена, извращенная дура, – сказал Нельсор, – и когда я начну допрашивать тебя, твои сестры будут свидетельствовать против тебя. Они сами разорвут тебя на части, выкрутят твои члены, раздробят твои кости.

От черной стены донесся звон цепей. Хор ослаб наполовину, поскольку железные путы упали с трех Алис и их пение замолкло. В этот момент их глаза сфокусировались на ней, и они медленно пошли вперед.

– Начнем, – сказал он.

Калифрики отпустил стрелу, выстрелив вверх. Унося свою темную ношу, Кинжал Рамы взмыл в небо и исчез во тьме.

29

Нельсор! Она привела с собой существо, способное разрушить нашу вселенную, и вполне возможно, он уже сделал это. Я должен выполнить сложнейшие вычисления, чтобы

подтвердить мои подозрения, но пока наше выживание зависит от наших действий. Мы не можем вернуться в точку альфа и начать все сначала, если я буду разрушен. А если я буду разрушен, ты будешь уничтожен тоже, вместе с этим местом и всеми твоими Алисами. Надвигается конец света! Я немедленно должен переговорить с тобой.

30

Три Алисы приблизились к первой ступеньке.

31

Айдон! Что бы это ни было, сейчас не время! Я наконец-то пришел к моменту, которого ждал все эти годы. Твоя настойчивость меня отвлекает. Что бы это ни было, разбейся сам, как можешь. Я не дам себя беспокоить, пока не разделаюсь с этой Алисой. А до тех пор держись от меня подальше!

32

Три Алисы поднялись на первую ступень. Три сестры у них за спиной возвысили голоса в некоем крещендо.

Очень хорошо, Нельсор. Я буду действовать. Первая Алиса, я вызываю то, что осталось от тебя. Костью, точкой и сифоном заклинаю тебя воплотиться на месте убийства! Возможно, тебе удастся урезонить его.

Алиса взглянула на трех сестер, поднимающихся по лестнице. Опустив лук, Калифрики отпустил тетиву и снял с глаз повязку.

– Послушай меня, Нельсор, – сказала Алиса. – Айдон будет разрушен. Исчезнет и программа, которая поддерживает твое существование – если только ты не восстановишь свое тело и не вернешь свое сознание в человеческий формат. Сделай это и пойдем со мной, ибо это место обречено. Забудем о наших разногласиях, мы можем договориться и вновь стать счастливыми. Я буду хорошо заботиться о тебе.

– Вновь? – переспросил Нельсор. – Разве мы когда-то переживали совместное счастье? Я не понимаю тебя, клон. Но чего я больше всего не понимаю, так это почему одна из вас убила мою жену. И я сильно подозреваю, что это была ты, Алиса, последняя моя. Не хочешь ли сказать что-нибудь по

этому поводу?

Откуда-то донесся звук колокола.

– Кто включил тревогу на корабле? – закричал Нельсор.

– Возможно, Айдон, – ответила она, – поскольку он понимает, что я говорю правду.

– Ты еще не ответила на мой вопрос, – сказал он. – Это ты убила мою жену?

Второй череп, упав с ниши и подкатившись к кровавому пятну, лег рядом с первым. Колокол продолжал звенеть. Голоса трех прикованных Алис звучали все громче и громче.

Ее лицо исказила гримаса. Три Алисы взошли на вторую ступень.

– Это была самозащита, – сказала она. – Она набросилась на меня. Я не хотела причинить ей вред.

– Зачем ей было набрасываться на тебя?

– Она ревновала... нас.

– Что? Как это могло быть? Между нами ничего не было.

– Нет, было, – сказала она. – Однажды ты ошибочно принял меня за нее, и мы получили от этого удовольствие.

– Почему ты допустила это?

– Ради тебя, – сказала она. – Я хотела утешить тебя и удовлетворить твою потребность. Я люблю тебя.

– Если так, то ты должна была забыть об этом. Как она узнала об этом?

– Я сама сказала ей, когда она отругала меня за ошибку, допущенную другой из нас. Она ударила меня, и я ударила

в ответ. Мы сцепились и покатались по земле – только это место было в другой вселенной. Она ударила меня по голове инструментом, висевшим у нее на поясе. Вот откуда у меня эти шрамы. Я думала, она убьет меня. Но поблизости оказался камень. Я подняла его и ударила. Я не хотела убивать ее, я просто защищалась.

– Значит, это ты.

– Мы – одно и то же. И ты знаешь это. На клеточном уровне. На генетическом уровне. Ее ты не вернешь. Возьми меня взамен. У меня та же плоть. Ты не почувствуешь разницы. Только я буду лучше, чем была она. Она была груба, высокомерна, эгоистична. Вернись. Идем со мной, Нельсор, моя любовь. Я буду вечно заботиться о тебе.

Он закричал, и три Алисы застыли на верхней ступени. Вокруг одного из черепов, который смотрел на нее, начал клубиться туман.

– Уходите, Алисы. Уходите, – сказал он. – Я справлюсь с ней сам.

Череп опрокинулся назад. Это было уже нечто большее, чем череп, ибо туман вокруг него начал складываться в подобие лица и воздух над песком задрожал, принимая очертания тела. Неподалеку то же самое происходило со вторым черепом. Три Алисы повернулись и начали спускаться по лестнице как раз в тот момент, когда их сестры достигли наконец кульминации. Их голоса уже не завывали, но пели. Три другие сестры, однако, не вернулись к своим цепям, а про-

сто растаяли на нижней ступени. В то же мгновение вновь раздался звон цепей о стену, и Калифрики увидел, что три прикованные Алисы тоже исчезли.

Вскоре на песке появилось обнаженное тело темноволового человека среднего роста с короткой бородкой. Рядом с ним все отчетливее вырисовывалось тело другой Алисы.

– Вы не рассказали мне всего, – сказал Калифрики, наблюдая за этим процессом.

– Я рассказала вам все, что было необходимо для работы. Разве лишние детали изменили бы что-нибудь?

– Возможно, – сказал он. – После драки вы бежали и теперь впервые с тех пор оказались в этом месте, верно?

– Да, – ответила она.

– Значит, вы не участвовали в путешествии шести Алис по этой вселенной, за исключением того, что отслеживали их опыт?

– Да, это так.

– Вы должны были предупредить их, что каждая из них могла попасть под подозрение. После смерти первой из них вы уже знали о состоянии рассудка Нельсора. Вы дали сестрам умереть, даже не попытавшись остановить их.

Она отвернулась.

– Это было бессмысленно, – сказала она. – Они были полны решимости добиться цели. Не забывайте к тому же, что они тоже отслеживали друг друга. После первой смерти они все, как и я, узнали и о состоянии его рассудка, и о грядущей

опасности.

– Почему вы не остановили первую?

– Я была... слаба, – сказала она. – Я боялась. Это означало рассказать им мою историю. Они могли схватить меня и отправить домой на суд.

– Вы хотели занять место первой Алисы.

– Не могу этого отрицать.

– Полагаю, это она лежит на земле.

– Кто еще это может быть?

Нельсор и новая Алиса открыли глаза почти одновременно.

– Это ты? – тихо спросил Нельсор.

– Да, – ответила она.

Нельсор приподнялся на локтях, сел.

– Как долго... – сказал он. – Как долго мы не виделись.

Улыбнувшись, она тоже села. В мгновение ока они оказались в объятиях друг друга. Когда наконец он отпустил ее и она смогла заговорить, ее речь звучала отрывисто и невнятно.

– Айдон... сообщение для тебя... мне дал, – проговорила она.

Она встал, помог встать ей.

– Что случилось? – спросил он.

– Ажно, 'его, говорить с. Мир конец. Стрела.

– Это ерунда, – сказал Нельсор. – Он запустил ее не в том направлении. С тобой что-то не так?

– Иск-рив-ле-ние. Совершенный вектор, – выдавливала она из себя, – чтобы уп-рав-лять маленькой вселенной нашей. Скоро обратно. Другим путем.

– Все это неважно, – сказал он. – Это всего лишь стрела. Алиса покачала головой.

– Она несет... дру-гую... точку.

– Что? Стрела ведет другую аномалию на столкновение с Айдоном?

Она кивнула.

Нельсор повернулся к Калифрики.

– Это так? – спросил он.

– Это так, – подтвердил Калифрики.

– Не верю.

– Подождите немного, – пожал плечами тот.

– Это не уничтожит Айдон.

– Возможно, нет, но непременно уничтожит запрограммированный аккреционный диск и, возможно, разрушит ваш мир, который держится на диске.

– Сколько она вам за это заплатила?

– Много, – сказал Калифрики. – Я не убиваю людей бесплатно, если могу не делать этого.

– Совесть наемника, – сказал Нельсор.

– Я никогда не убивал – бесплатно – трех женщин, которые пытались помочь мне.

– Вы не понимаете.

– Не понимаю. Может, потому, что мы с разных планет?

Или есть что-то еще?

В этот момент вновь воссозданная Алиса закричала. Мужчины одновременно повернулись. Она добрела до ниши, где прежде лежал ее череп, и только теперь заметила клона со шрамами:

– Ты! – кричала она. – Ударил меня!

Она схватила молоток и бросилась на клона. Алиса отразила удар, хотела перехватить женщину за запястье, но промахнулась и оттолкнула ее.

– Она не в себе, – сказал Нельсор, бросаясь к ним. – Она не несет ответственности...

Алиса-оригинал восстановила равновесие и вновь бросилась на клона, пока Нельсор бежал к ним. Алиса со шрамом опять отразила удар, оттолкнула ее. Настоящая Алиса с криком опять замахнулась молотком, но Алиса-дубликат шагнула к ней совсем близко.

Нельсор почти добежал до них, когда после очередного толчка оригинальная Алиса попятилась к колодцу и, ударившись икрами о невысокую стенку, запрокинулась назад.

Одним прыжком подскочив к колодцу, он наклонился, протянул руку и все же умудрился ухватить жену за запястье. Но равновесие было потеряно, он продолжал клониться и в конце концов упал. Оба исчезли в колодце, их крики были слышны несколько секунд, потом резко оборвались.

– Пропал! – закричала оставшаяся Алиса. – Она забрала его у меня!

Калифрики подошел к краю колодца и заглянул вглубь.

– Еще один случай самозащиты, – сказал он, – в отношении женщины, которую вы хотели заменить.

– Женщины? – повторила она, шагая вперед. – Она была несовершенно, едва ли ее можно назвать человеком. И вы видели, она напала на меня.

Он кивнул.

– Чего вы на самом деле хотели? Нельсора? – спросил он. – Или остаться последней, единственной, хозяйкой-оригиналом?

Слезы побежали по ее щекам.

– Нет, я любила его, – сказала она.

– Чувство, как видим, не было взаимным.

– Вы не правы! – сказала она. – Он заботился обо мне!

– Как о клоне. Не как о женщине. Похороните свои воспоминания. Теперь вы остались единственной личностью. Идем! Пора уходить. Я не знаю точно, когда...

– Нет! – крикнула она, и земля под ней содрогнулась, и цепи зазвенели. – Нет! Теперь я здесь хозяйка, и я воплощу его, уничтожив память о ней! Я призову трех записанных клонов прислуживать нам. Остальные были безмозглыми. Мы будем жить здесь вместе и создадим новый мир. Мы можем принести сюда все, что захотим, создать все, что потребуется...

– Слишком поздно, – сказал Калифрики. – Вы привели меня сюда, чтобы разрушить вселенную, и я сделал это. Но если ее и можно сохранить, не можете же вы вечно жить на

месте убийства. Оно уже разрушает вас. Идемте со мной. Обретите новую жизнь...

– Нет! – ответила она. – Я правлю этим миром! Я помню коды команд! Я установила связь с Айдоном! Я держу эту вселенную в руках! Я могу изменить даже физические константы! Я могу деформировать само пространство, чтобы отклонить твою глупую стрелу! Смотри! Я поглотила ее полет!

– За этим последуют топологические и геодезические изменения, – сказал Калифрики. – Но Кинжал Рамы все равно найдет вас. Идем!

– Ты! Ты сразу возненавидел меня за то, кто я есть! Как только я сказала тебе, что я клон, ты сразу понял, что я ниже вас всех! Но теперь я могу уничтожить тебя, ассасин! Ибо я хозяйка точки! Я могу убить тебя любым способом, каким пожелаю! Защититься невозможно!

– Все возвращается на круги своя, – сказал он. – Вы хотите заставить меня погрузить мою Нить в аномалию.

Она дико захохотала.

– Ты бессилен, – сказала она. – Ты уже описал мне, какая путаница произойдет. Наверное, я сожгу тебя...

Калифрики медленно поднял руку так, что запястье оказалось над колодцем.

– Что ты делаешь? – спросила она. – Как ты можешь сопротивляться моему всеведению? Моему всемогуществу? Ты не смеешь дотрагиваться до меня!

– Я говорил вам, что сечение Нити составляет меньше полной окружности, – заявил он. – Я вырезаю сектор из вашего диска.

– Так близко? Ты не можешь. Если искривление распространится на дыру, ты нарушишь термодинамику. Черная дыра не может сжаться.

– Не может, – подтвердил он. – Возможно, Нить переместит энергию и увеличит массу и радиус в качестве компенсации. Но я проявляю осторожность, чтобы не давать ей подходить так близко и не проверять эту гипотезу. Мои чувства простираются вдоль нее.

– Тогда ты не умрешь в огне, – сказала она, слегка проглатывая слова. – Костью – точкой – сифоном – заклинаю вас! Сестры! Уничтожьте этого человека!

Калифрики резко повернул голову влево, в направлении ее взгляда.

Три Алисы с горящими глазами пересекали овал по направлению к нему. Он медленно отвел запястье от стен колодца.

– Убейте его! – крикнула она. – Пока он не убил нас! Скорее!

Три Алисы только начинали обретать очертания и плотность, но радуга еще просвечивала сквозь них.

Окрепнув, они вдруг бросились вперед, но, пробежав мимо Калифрики, набросились на ту, которая вызвала их к жизни.

– Убийца! – крикнула одна.

– Обманщица! – взвизгнула другая.

– Причина наших мучений! – завопила третья.

Испуганная Алиса попятилась, и Калиффрики встряхнул Нить так, что она упала между ними. Стена огня взметнулась перед жертвой трех Алис.

– Нет времени, – крикнул он, – обагрять эту землю вновь! Мы должны уходить!

Он взмахнул Нитью, и она обвила трех Алис.

– Я забираю их с собой, – сказал он. – Идем с нами! Мы должны бежать!

– Нет! – ответила она, сверкая глазами. – Я отклоню твою стрелу! Я сдвину это место! Я еще больше искривлю пространство! – Огни в небе мигнули, потом заплесали. – Я избегну твоего проклятия, лучник! Я... восстановлю! Я... верну... его... обратно! Я... хозяйка... здесь... отныне! Изыди! Я... изгоняю... вас... всех!

Калиффрики вместе с тремя женщинами оказался в Долине Застывшего Времени. Там, в том месте, которое было скульптурой, живописью, картой, он проложил дорогу домой. Он не говорил со своими спутницами, ибо то было место не для слов (и не для ветра, музыки, криков, стонов), и они не благодарили его, даже если и хотели. И пока напуганная Алиса стояла на месте убийства и призывала силу точки, сифона и кости против стремительного Кинжала Рамы, опоясывавшего вселенную, Калиффрики перенес трех Алис

из земли Зазеркалья в Убар и привез их на свою виллу у моря, хотя и побаивался их, зная, что никогда не посмеет отдать предпочтение одной из них. Но то была проблема, которую надлежало решать в другое время, ибо пути Нити полны прибытий и отправлений, и даже ее владелец не может полностью поглотить ее полет.

Алиса стоит у конца радуги над красным пятном и смотрит в небо. Сифон подпитывает ее, пока она слоями накладывает силу на силу в попытке справиться с непреклонным проклятием, которое она сама вызвала к жизни. Темноволосый человек среднего роста с короткой бородкой сидит у края колодца и смотрит на нее. Время от времени она получает от него удовольствие, и он говорит ей то, что она хочет услышать. Со свежими силами она возвращается к своему поединку с грозными силами, хотя иногда кажется, что окружность в ее вселенной уже не составляет и 350 градусов...